Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-300-308
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения
наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ИНСТИТУТ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА И ЗАЛОГА: ПОЧЕМУ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ РЕДКО ЗАМЕНЯЮТ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ?

Аннотация. *В статье исследуется проблема ограниченной эффективности альтернативных мер пресечения в российском уголовном процессе на примере личного поручительства, залога, домашнего ареста и запрета определенных действий. Обосновывается, что редкая замена заключения под стражу более мягкими мерами обусловлена не только нормативными пробелами, но и устойчивой процессуальной инерцией, при которой первоначально избранная изоляционная мера воспроизводится при последующих продлениях через формулу «неизменности оснований». Особое внимание уделено делам об экономических преступлениях, статусу «номинального» руководителя, имущественной обусловленности залога, слабой доказательной силе социальных связей и гарантийных писем работодателей, а также проблеме следственной волокиты, оправдываемой длительностью экспертиз. Анализируется соотношение домашнего ареста и запрета определенных действий с позиции возможного развития института досудебной пробации. Делается вывод о необходимости перехода от формальной оценки риска к индивидуализированной модели контролируемого пребывания обвиняемого в обществе, сочетающей судебные запреты, социальное сопровождение, трудовую занятость и проверяемые гарантии явки.*

Ключевые слова: *меры пресечения, заключение под стражу, личное поручительство, залог, домашний арест, запрет определенных действий, досудебная пробация, экономические преступления, процессуальная инерция, риск побега.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving
the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

PERSONAL SURETY AND BAIL: WHY ALTERNATIVE PREVENTIVE MEASURES RARELY REPLACE PRE-TRIAL DETENTION

Annotation. *The article examines the limited effectiveness of alternatives to pre-trial detention in Russian criminal proceedings, focusing on personal surety, bail, house arrest and prohibition of certain actions. It is argued that the rare replacement of detention with less restrictive measures is caused not only by legislative gaps but also by procedural inertia, whereby the initially imposed custodial measure is reproduced during subsequent extensions through the formula of "unchanged grounds". Special attention is paid to economic crime cases, the status of a "nominal" company director, the property-based nature of bail, the weak evidentiary value of social ties and employment guarantees, and investigative delays justified by expert examination queues. The article analyses the relationship between house arrest and prohibition of certain actions from the perspective of possible development of pre-trial probation. The author concludes that Russian criminal procedure requires*

a shift from formal risk assessment to an individualized model of supervised community-based pre-trial control combining judicial restrictions, social support, employment and verifiable guarantees of appearance.

Key words: *preventive measures, pre-trial detention, personal surety, bail, house arrest, prohibition of certain actions, pre-trial probation, economic crimes, procedural inertia, flight risk.*

Право на свободу личности в уголовном судопроизводстве имеет двойственную природу: с одной стороны, оно выступает конституционной гарантией, ограничивающей публичную власть, с другой - допускает применение мер процессуального принуждения, если без них невозможно обеспечить явку обвиняемого, сохранность доказательств и нормальное движение уголовного дела. Поэтому институт мер пресечения является одним из наиболее чувствительных элементов уголовного процесса: он применяется до вступления приговора в законную силу, а иногда и до окончательной проверки версии обвинения, но способен фактически изменить положение лица в деле, повлиять на его способность участвовать в защите, сохранять социальные связи, трудиться, возмещать вред и поддерживать семью. Российское уголовно-процессуальное законодательство формально располагает широким набором мер пресечения: от подписки о невыезде и личного поручительства до залога, запрета определенных действий, домашнего ареста и заключения под стражу [1]. Однако наличие альтернатив само по себе не означает их реальной конкуренции с заключением под стражу, поскольку правоприменение воспроизводит устойчивую модель, при которой изоляционная мера воспринимается как наиболее надежная, понятная и институционально безопасная для суда и следствия.

Официальные данные судебной статистики подтверждают этот дисбаланс. В 2024 г. судами было рассмотрено 93 753 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых удовлетворено 82 514, то есть 88 %. Ходатайств о домашнем аресте было 8 519, удовлетворено 7 378; ходатайств о запрете определенных действий - 4 847, удовлетворено 4 394; ходатайств о залоге - всего 78, удовлетворено 60 [3]. Особенно показательна статистика продления сроков содержания под стражей: из 164 423 ходатайств о продлении удовлетворено 159 765, что составляет 97 % [3]. В апелляционной практике при замене заключения под стражу залог применялся единично, тогда как домашний арест и запрет определенных действий использовались заметно чаще, но всё равно не образовывали сопоставимого с СИЗО инструмента [4]. Эти цифры свидетельствуют не о случайной неравномерности, а о системной асимметрии: законодатель предлагает суду набор мер различной интенсивности, но фактический выбор часто сводится к сохранению изоляции либо к ее ограниченному смягчению в форме домашнего ареста.

Нормативная модель, закрепленная в УПК РФ и разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, построена иначе. Заключение под стражу должно применяться только тогда, когда невозможно избрать более мягкую меру, а суд обязан оценивать не абстрактную опасность обвинения, а конкретные данные о личности и конкретные обстоятельства, подтверждающие риск скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства или иным способом воспрепятствовать производству по делу [1; 2]. Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает на необходимость обсуждать возможность применения иной, более мягкой меры пресечения, включая залог и запрет определенных действий, а при разрешении вопроса о заключении под стражу учитывать сведения о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, поведение после преступления, содействие расследованию и возмещение вреда [2]. На уровне правовой конструкции заключение под стражу поэтому является исключением, но на уровне практики оно часто превращается в исходную презумпцию, которую защита должна преодолевать более убедительно, чем обвинение должно доказывать актуальность риска.

Этот разрыв целесообразно обозначить как феномен процессуальной инерции. На стадии первоначального избрания меры суд, как правило, оценивает тяжесть обвинения, предполагаемую роль лица, данные о регистрации, семье, работе, имуществе, поведении после возбуждения уголовного дела. Однако при последующих продлениях центр тяжести нередко смещается с вопроса «почему именно сейчас обвиняемый должен оставаться в изоляции?» на вопрос «изменились ли обстоятельства, ранее положенные в основу меры пресечения?». Довод следствия о том, что основания не отпали и не изменились, приобретает самостоятельное значение, хотя каждое продление по смыслу ст. 97, 99, 108 и 109 УПК РФ требует проверки актуальности рисков, а не механического воспроизведения прежних формулировок [1]. В результате защита указывает на семью, постоянное жилье, детей, работу, положительные характеристики, отсутствие попыток скрыться, готовность представить поручителей, внести залог или исполнять запреты, но эти обстоятельства часто оценива-

ются как «известные суду ранее» и потому не влияющие на вывод. Так возникает парадокс: чем дольше лицо находится под стражей, тем сложнее убедить суд в необходимости смягчения, хотя с течением времени часть рисков объективно должна снижаться, поскольку документы изымаются, свидетели допрашиваются, носители информации исследуются, а возможность давления на участников процесса становится менее реальной.

Процессуальная инерция усиливается тем, что тяжесть обвинения де-факто приобретает значение главного, а иногда и единственного критерия. Формально тяжесть инкриминируемого преступления является лишь одним из обстоятельств, учитываемых при выборе меры пресечения, однако в практической аргументации она часто превращается в универсальный индикатор всех рисков: если санкция предусматривает длительное лишение свободы, лицо «может скрыться»; если дело имеет сложный экономический характер, лицо «может воспрепятствовать расследованию»; если ущерб значителен, лицо «может продолжить преступную деятельность» или распорядиться неустановленными активами. Такая логика упрощает судебную мотивацию, но одновременно размывает индивидуализацию. Аргумент суда, который одинаково применим к любому обвиняемому по соответствующей категории дел, не может считаться достаточным доказательством риска конкретного лица. Именно поэтому зарубежные стандарты предварительного заключения требуют не абстрактной ссылки на тяжесть обвинения, а «относимых и достаточных» оснований, подтверждающих реальную необходимость изоляции [12; 13].

В делах об экономических преступлениях указанная проблема приобретает особую остроту. Законодатель и Верховный Суд РФ уже признали повышенную опасность чрезмерного применения заключения под стражу к лицам, связанным с предпринимательской и иной экономической деятельностью. В ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ закреплены специальные ограничения на избрание стражи по ряду составов экономической направленности, а Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на необходимость учитывать возможность продолжения предпринимательской деятельности, управления имуществом и выполнения организационных функций, если цели меры пресечения могут быть достигнуты менее строгими средствами [1; 2]. Тем не менее именно экономические дела часто порождают расширительное толкование риска: следствие указывает на сложность финансовых потоков, неустановленный круг соучастников, возможное сокрытие активов, наличие электронных носителей, банковских счетов, номинальных структур и зависимых организаций. Суд, не имея возможности на ранней стадии полноценно проверить экономическую версию обвинения, нередко выбирает более строгую меру как способ минимизации неопределенности.

Особое место в этой группе дел занимает статус «номинального» руководителя. С точки зрения защиты указание на номинальность обычно направлено на то, чтобы показать ограниченную фактическую роль лица: отсутствие реального контроля над бизнесом, выполнение формальных действий по просьбе иных лиц, отсутствие доступа к ключевым активам и управленческим решениям. Однако в логике обвинения тот же статус может приобрести противоположное значение. Номинальный директор воспринимается как лицо, через которое оформлялись юридически значимые действия, а значит, он потенциально осведомлен о движении денежных средств, контрагентах, документах и иных участниках схемы. При этом отсутствие обнаруженных активов, транспортных средств или денежных средств организации иногда трактуется не как слабость обвинительной версии, а как указание на их сокрытие. Такая презумпция недопустима: неустановленность имущества не должна автоматически превращаться в доказательство риска побега или воспрепятствования расследованию. Для вывода о риске необходимы конкретные обстоятельства: попытки снять денежные средства, уничтожить документы, воздействовать на бухгалтеров, согласовывать позиции с соучастниками, пользоваться поддельными документами, скрываться после начала проверки или готовить выезд за пределы Российской Федерации. Без таких данных статус «номинала» характеризует предполагаемую роль в преступлении, но не является самостоятельным основанием для изоляции.

Личное поручительство по ст. 103 УПК РФ представляет собой письменное обязательство заслуживающего доверия лица ручаться за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязанностей являться по вызовам и не препятствовать производству по уголовному делу [1]. Его слабое применение связано не столько с отсутствием правовой формы, сколько с низким уровнем институционального доверия к нематериальным гарантиям. Суду проще оценить запрет, контролируемый уголовно-исполнительной инспекцией, или залог, выраженный в денежной сумме, чем социальный капитал поручителя. Между тем в доктрине личное поручительство рассматривается как мера, основанная на морально-личностном воздействии, взаимном доверии обвиняемого и поручителя, а также угрозе процессуальных последствий при невыполнении обязательств [7]. Современные иссле-

дования также указывают, что потенциал поручительства ограничивается неопределенностью критериев «лица, заслуживающего доверия», малой суммой денежного взыскания и отсутствием устойчивой методики оценки способности поручителя реально влиять на поведение обвиняемого [8].

Практическая проблема поручительства заключается в том, что оно должно быть не декларацией лояльности, а проверяемой социальной гарантией. Суду необходимо понимать, почему конкретный поручитель заслуживает доверия, какова его связь с обвиняемым, способен ли он обеспечить явку, понимает ли юридические последствия, готов ли содействовать контролю не только моральным авторитетом, но и организационными действиями: сопровождением к следователю, уведомлением о смене места жительства, обеспечением связи, контролем соблюдения запрета общения с определенными лицами. В отсутствие такой методики личное поручительство часто остается символическим ходатайством защиты, а не полноценной мерой, конкурирующей с заключением под стражу. В зарубежном и сравнительно-правовом контексте интерес представляет идея сочетания личного авторитета поручителя с имущественным или организационным обеспечением, однако механическое введение имущественного элемента в поручительство может усилить тот же имущественный ценз, который уже свойствен залогу [8]. Поэтому развитие поручительства должно идти прежде всего через стандартизацию оценки поручителя и включение поручительства в более широкий план контролируемого поведения обвиняемого.

Залог имеет иную природу. По ст. 106 УПК РФ он состоит во внесении или передаче денег, ценностей, ценных бумаг либо имущества для обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого, предупреждения совершения новых преступлений и действий, препятствующих производству по делу [1]. Минимальный размер залога по делам небольшой и средней тяжести составляет не менее 100 тыс. руб., по тяжким и особо тяжким преступлениям - не менее 500 тыс. руб., при этом закон требует учитывать характер преступления, данные о личности, имущественное положение залогодателя и другие обстоятельства [1]. На практике денежная природа залога формирует скрытый имущественный ценз. Лицо, имеющее стабильную работу, семью, кредитные обязательства, но не имеющее свободных накоплений, оказывается в менее выгодном положении, чем лицо с ликвидным капиталом или обеспеченными родственниками. Формально закон не требует богатства как условия свободы, однако фактически возможность предложить суду убедительную альтернативу стражи зависит от имущественного ресурса. Именно поэтому ничтожно малое число ходатайств о залоге в статистике 2024 г. является не только показателем процессуальной пассивности, но и симптомом того, что для значительной части обвиняемых эта мера экономически недоступна [3].

Имущественная селективность залога особенно заметна в делах об экономических преступлениях. С одной стороны, такие дела предполагают финансовый характер обвинения, что теоретически делает залог логичной мерой: он обеспечивает явку и одновременно символизирует имущественную ответственность. С другой стороны, следствие может заявлять о неустановленных или сокрытых активах и тем самым обосновывать необходимость стражи, а защита, не имея свободных средств, не способна предложить залог в размере, который суд сочтет достаточным. В научной литературе неоднократно обращалось внимание на проблемы применения залога и необходимость более активного обсуждения судами возможности его назначения как более мягкой меры [9; 10]. Однако расширение залога без учета имущественного положения обвиняемого и залогодателя способно привести к обратному эффекту: свобода до суда станет зависеть от платежеспособности, а не от реального уровня процессуального риска. Поэтому при определении залога необходимо не только оценивать сумму, но и проверять ее исполнимость, происхождение средств, соразмерность обвинению и способность обеспечить поведение без фактического превращения невозможности внести деньги в основание для содержания в СИЗО.

В этой связи особое значение приобретают гарантии, не сводимые к деньгам. Гарантийные письма будущих работодателей, документы о готовности принять обвиняемого на работу, подтверждения квалификации, характеристики и предложения о трудоустройстве не являются самостоятельными мерами пресечения, но могут служить элементом доказательственной модели защиты. В логике предупреждения новых преступлений официальная занятость иногда имеет не меньшую превентивную ценность, чем формальный запрет покидать жилище. Если лицо имеет понятный источник дохода, распорядок дня, социальный контроль со стороны работодателя, обязанность являться на работу и возможность возмещать вред, это снижает риск как уклонения, так и повторного преступления. Для суда такие письма должны рассматриваться не как второстепенная характеристика, а как часть предлагаемого защитой режима: место проживания, график работы, маршрут передвижения, запрет общения с определенными лицами, запрет использования корпоративных средств связи,

сдача заграничного паспорта, обязанность являться по вызовам, контроль со стороны поручителя или работодателя. В такой комбинации гарантийное письмо усиливает запрет определенных действий и превращает его из абстрактной альтернативы в исполнимый режим поведения.

Следственная волокита является еще одним фактором, поддерживающим процессуальную инерцию. Защита нередко указывает, что длительное содержание под стражей вызвано не поведением обвиняемого, а неэффективной организацией расследования: экспертизы назначаются спустя месяцы, допросы проводятся нерегулярно, документы долго направляются на исследование, материалы переводятся между подразделениями, а следственные действия фактически концентрируются перед очередным обращением в суд о продлении. Суд, однако, не всегда воспринимает такую волокиту как основание для смягчения меры. В делах экономической направленности длительность финансово-экономических, бухгалтерских и компьютерно-технических экспертиз часто объясняется объективной очередностью в экспертных учреждениях, большим объемом документов и сложностью исследования. Такой довод может быть добросовестным, но он не должен освобождать сторону обвинения от обязанности доказывать актуальность рисков. Если лицо остается под стражей только потому, что экспертное учреждение не завершило работу, мера пресечения начинает компенсировать организационные задержки государства, а не предотвращать процессуальные нарушения со стороны обвиняемого.

Международные стандарты требуют иной логики. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2006)13 исходит из того, что предварительное заключение должно применяться как мера последней необходимости, а государство обязано развивать широкий набор альтернатив: обязанность явки, запрет определенного поведения, надзор уполномоченного органа, электронный мониторинг, обязанность проживать по указанному адресу, запрет посещать определенные места или общаться с лицами, сдача паспорта, финансовые и иные гарантии [11]. Токийские правила ООН также закрепляют, что предварительное заключение должно использоваться как крайнее средство с учетом интересов расследования, защиты общества и потерпевшего [14]. Следовательно, очередь на экспертизу может объяснять длительность конкретного следственного действия, но не должна автоматически легитимировать изоляцию. Чем дольше длится расследование, тем более конкретными должны становиться доводы обвинения о рисках. Иначе длительность процесса начинает работать против обвиняемого вне зависимости от его поведения, что несовместимо с презумпцией свободы до приговора.

Сравнение домашнего ареста и запрета определенных действий показывает, что российская система уже располагает инструментом более гибкого контроля, но использует его недостаточно как меру ресоциализирующего характера. Домашний арест по своей природе близок к изоляционной мере: он заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, где лицо проживает на законном основании, с возложением запретов и осуществлением контроля [1]. Запрет определенных действий, напротив, позволяет суду сконструировать индивидуальный набор ограничений: запрет выходить из жилого помещения в определенные периоды, посещать определенные места, общаться с конкретными лицами, пользоваться средствами связи и интернетом, управлять транспортом и совершать иные действия, прямо предусмотренные законом [1]. Именно эта мера потенциально ближе всего к идее досудебной пробации, поскольку она не обязательно разрушает социальные связи лица и может сочетаться с трудом, обучением, лечением, уходом за родственниками и возмещением вреда.

Несмотря на это, суды нередко предпочитают домашний арест запрету определенных действий. Причина не только в большей строгости домашнего ареста, но и в его институциональной понятности. Домашний арест проще представить как «мягкую стражу»: лицо изолировано, контроль сосредоточен на одном адресе, нарушение легче фиксировать, а публичный риск для суда ниже. Запрет определенных действий требует сложной индивидуализации: нужно определить периоды выхода, допустимые маршруты, круг запрещенных контактов, режим связи, условия работы, способы контроля, взаимодействие следователя и уголовно-исполнительной инспекции. Чем выше индивидуализация, тем выше ответственность суда за точность режима. Поэтому система, ориентированная на минимизацию риска ошибки, выбирает более жесткую и простую конструкцию, даже если она хуже соответствует задачам сохранения социальных связей. В научной литературе справедливо отмечается, что появление запрета определенных действий изменило традиционную иерархию альтернатив заключению под стражу, но одновременно породило конкуренцию между домашним арестом, залогом и запретом как мерами разной правовой природы и различной интенсивности принуждения [10].

Технические сложности контроля также влияют на выбор меры. Контроль за нахождением лица при домашнем аресте и соблюдением

запретов осуществляется уполномоченными органами, включая уголовно-исполнительные инспекции; закон допускает применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля [1]. Однако практическая эффективность зависит от наличия оборудования, устойчивой связи, готовности инспекции оперативно реагировать, корректности судебного постановления и ясности возложенных запретов. Если суд не уверен, что индивидуальный режим будет исполним и контролируем, он склонен к более жесткой мере. Но этот аргумент должен вести не к отказу от запрета определенных действий, а к развитию инфраструктуры досудебного контроля. Иначе техническая неготовность системы превращается в самостоятельный фактор лишения свободы, что методологически неверно: задача права состоит в том, чтобы адаптировать контроль к конкретному риску, а не заменять индивидуальный режим наиболее строгой мерой из-за организационной простоты.

Именно здесь возникает значение досудебной пробации. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» закрепляет исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную пробацию, ориентированные на коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию [5]. Однако полноценная досудебная пробация для подозреваемых и обвиняемых, находящихся на стадии расследования и судебного разбирательства, в российском праве пока не сформирована. Это означает, что между свободой без содержательного сопровождения и изоляцией в СИЗО отсутствует развитый промежуточный институт, который мог бы готовить для суда проверяемую социально-процессуальную информацию: где лицо будет жить, кто готов контролировать его поведение, где оно будет работать, как будет обеспечиваться явка, какие контакты нужно запретить, какие цифровые каналы ограничить, какие социальные риски требуют сопровождения. Запрет определенных действий без такой инфраструктуры остается юридической конструкцией; с досудебной пробацией он мог бы стать индивидуальным планом поведения обвиняемого в обществе до приговора.

Досудебная пробация не должна подменять презумпцию невиновности или превращаться в предварительное исправительное воздействие. Ее назначение на стадии расследования должно быть процессуальным: обеспечить явку, предотвратить давление, исключить продолжение преступной деятельности и сохранить социальную устойчивость лица, не разрушая его трудовую и семейную жизнь без необходимости. Такой подход особенно важен для обвиняемых по экономическим делам, где сохранение возможности работать, погашать кредиты, содержать семью и возмещать ущерб нередко отвечает интересам не только защиты, но и потерпевших. В рамках досудебной пробации запрет определенных действий может сочетаться с поручительством, трудовой гарантией, электронным мониторингом, запретом использования конкретных средств связи, запретом доступа к бухгалтерским программам, запретом общения с определенными участниками дела, обязанностью регулярно отмечаться и предоставлять подтверждения трудовой занятости. Такая модель не снимает ответственность с суда, но дает ему не абстрактный выбор между СИЗО и свободой, а набор проверяемых условий, нейтрализующих конкретные риски.

Зарубежный опыт подтверждает, что эффективная альтернатива предварительному заключению возникает не только через перечень мер в процессуальном кодексе, но и через специализированную систему оценки и сопровождения. В федеральной системе США действует принцип выбора наименее ограничительного условия или комбинации условий, достаточных для обеспечения явки лица и безопасности общества; при этом финансовое условие не должно устанавливаться таким образом, чтобы фактически приводить к досудебному заключению из-за невозможности его выполнить [15]. В Англии и Уэльсе законодательство исходит из презумпции освобождения под условия, а электронный мониторинг используется как средство поддержки доверия суда к соблюдению этих условий [16]. В германском уголовном процессе допускается приостановление исполнения ордера на арест, если цель предварительного заключения может быть достигнута менее строгими мерами: обязанностью явки, ограничением места проживания, запретом контактов, предоставлением обеспечения и иными условиями [17]. Эти модели различны, но их объединяет общий принцип: суд не просто выбирает между свободой и изоляцией, а конструирует управляемый режим, в котором риск не предполагается абстрактно, а нейтрализуется конкретным условием.

Для российского процесса развитие досудебной пробации могло бы изменить саму структуру судебного анализа. Вместо того чтобы требовать от защиты доказать «безопасность» обвиняемого вопреки тяжести обвинения, суд мог бы получать независимый или межведомственный доклад о возможности контролируемого нахождения лица вне СИЗО. Такой доклад включал бы сведения о жилье, составе семьи, трудовой занятости, кредитной нагрузке, состоянии здоровья, поручителях, работодателе, маршрутах передвижения, доступе к средствам связи, рисках контактов с участниками дела, возможности элек-

тронного мониторинга, готовности возмещать ущерб. По существу речь идет не о гуманитарной характеристике личности, а о процессуальной технологии управления риском. Если риск давления на свидетеля связан с конкретным бухгалтером, должен применяться запрет общения с этим бухгалтером, а не изоляция от всего общества. Если риск сокрытия связан с банковскими операциями, возможно ограничение доступа к корпоративным счетам и электронным ключам. Если риск побега связан с заграничными поездками, логична сдача паспорта и обязанность регистрации, а не автоматическое помещение в СИЗО.

Не менее важна мотивировка судебных решений. Недостаточно указать, что суд «обсудил» возможность залога, поручительства, домашнего ареста или запрета определенных действий. Необходимо требовать от суда ответа на вопрос, почему каждая предложенная стороной защиты альтернатива не способна нейтрализовать конкретный риск. Если защита предлагает поручителей, суд должен оценить их личность, связь с обвиняемым и реальную способность обеспечить явку. Если предлагается залог, суд должен проверить не только сумму, но и имущественное положение залогодателя, чтобы залог не был заведомо неисполнимым. Если предлагается запрет определенных действий, суд должен объяснить, почему адресный запрет общения, использования связи, выхода в определенное время или посещения определенных мест недостаточен. Если следствие ссылается на неустановленные активы, суд должен требовать фактов, связывающих обвиняемого с возможностью их сокрытия, а не принимать саму неустановленность как доказательство риска. Такая модель мотивировки соответствует как российским разъяснениям Верховного Суда РФ, так и международному требованию индивидуализированных и достаточных оснований для предварительного заключения [2; 12; 13].

Особого внимания заслуживает вопрос о гарантийных письмах работодателей. В действующей практике они часто воспринимаются как второстепенное приложение к характеристикам, хотя в логике досудебной пробации могут играть центральную роль. Работодатель способен подтвердить не только готовность принять лицо на работу, но и конкретный график, адрес, должностные обязанности, отсутствие доступа к спорным финансовым документам или счетам, возможность уведомлять инспекцию о неявке, готовность содействовать возмещению вреда через официальный доход. Конечно, работодатель не должен превращаться в частного надзирателя, но его гарантия может быть частью проверяемого режима. Для лиц без накоплений и собственного жилья именно трудовая гарантия способна компенсировать недостаточность залога и снизить риск повторного преступления. Это особенно значимо для обвиняемых с кредитной нагрузкой: изоляция в СИЗО разрушает доход, ухудшает положение семьи и кредиторов, препятствует возмещению ущерба и тем самым может противоречить задачам уголовного судопроизводства.

Таким образом, редкое применение личного поручительства и залога связано с разными, но взаимодополняющими причинами. Личное поручительство страдает от дефицита доверия к социальным гарантиям и отсутствия методики оценки поручителя. Залог страдает от имущественной селективности и процессуальной сложности. Домашний арест применяется чаще, но нередко воспроизводит изоляционную логику СИЗО. Запрет определенных действий обладает наибольшим потенциалом индивидуализации, но требует инфраструктуры контроля и пробационного сопровождения. В результате суд, даже признавая возможность альтернатив, часто выбирает наиболее понятную для системы меру - заключение под стражу или, в лучшем случае, домашний арест. Преодоление этой тенденции невозможно только за счет формального расширения перечня мер пресечения; необходима перестройка судебной мотивации, развитие досудебной пробации, стандартизация оценки социальных гарантий и усиление ответственности стороны обвинения за доказанность актуальных рисков при каждом продлении меры.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основной причиной редкой замены заключения под стражу альтернативными мерами является не отсутствие таких мер в УПК РФ, а процессуальная инерция, при которой тяжесть обвинения и формула «неизменности оснований» фактически подменяют индивидуальную оценку актуальных рисков. По делам об экономических преступлениях статус номинального руководителя используется противоречиво: защита рассматривает его как признак ограниченной фактической роли, тогда как обвинение - как основание предполагать осведомленность о финансовых потоках и возможность сокрытия активов; такой подход допустим лишь при наличии конкретных фактов, а не презумпций. Залог и личное поручительство не выполняют роль полноценной альтернативы стражи: залог формирует скрытый имущественный ценз, а поручительство остается недооцененным из-за отсутствия устойчивой методики проверки социальных гарантий. Следственная волокита, включая длительное производство экспертиз, не должна автоматически оправдывать дальнейшую изоляцию; по мере течения времени обязанность обвинения доказывать актуальность рисков должна

усиливаться. Запрет определенных действий является более перспективной мерой по сравнению с домашним арестом, если рассматривать его через призму досудебной пробации: он позволяет сохранить труд, семью, возмещение вреда и социальный контроль при адресном ограничении конкретных рисков. Зарубежный опыт показывает, что эффективная альтернатива СИЗО строится не на формальном перечне мер, а на системе предварительной оценки, сопровождения и контроля. Для российского уголовного процесса целесообразно развивать модель досудебной пробации, которая объединит судебные запреты, электронный мониторинг, поручительство, трудовые гарантии, социальное сопровождение и регулярную отчетность перед контролирующим органом. Только при таком подходе альтернатива заключению под стражу перестанет быть декларацией и станет реальным инструментом обеспечения целей уголовного судопроизводства без избыточного ограничения права на свободу.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред., действующая по состоянию на 10.05.2026).

[2] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025).

[3] Судебная статистика Российской Федерации. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях. Год 2024. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13 (дата обращения: 10.05.2026).

[4] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2025. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

[5] О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред., действующая по состоянию на 10.05.2026).

[6] Андроник Н. А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 222 с.

[7] Мустафаев Н. М.-А. Личное поручительство как мера уголовно-процессуального пресечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 18. С. 59-60.

[8] Федякин К. П., Алексеева Е. С. Личное поручительство в системе мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве России и стран СНГ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2023. № 2. С. 137-145. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_137.

[9] Грачев Д. М. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России // Вестник магистратуры. 2016. № 5-3(56). С. 46-48.

[10] Бертовский Л. В., Квык А. В. Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения, перспективы развития // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 242-255. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).242-255.

[11] Мальцева С. Н. Залог как мера пресечения: проблемы применения // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1-4), № 1. С. 111-116. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.111-116.

[12] Recommendation Rec(2006)13 of the Committee of Ministers to member states on the use of remand in custody, the conditions in which it takes place and the provision of safeguards against abuse. Strasbourg : Council of Europe, 2006.

[13] Buzadji v. the Republic of Moldova : judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights of 5 July 2016, application no. 23755/07.

[14] United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (The Tokyo Rules) : adopted by General Assembly resolution 45/110 of 14 December 1990.

[15] 18 U.S. Code § 3142. Release or detention of a defendant pending trial. United States Code.

[16] Electronic Monitoring Court Bail Protocol / Government of the United Kingdom. 2023.

[17] German Code of Criminal Procedure (Strafprozeßordnung). Section 116. Suspension of enforcement of warrant of arrest.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 18.12.2001 of 174-FZ (as amended 10.05.2026).

[2] On the practice of the courts of applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2013 No. 41 (ed. 27.05.2025).

[3] Judicial statistics of the Russian Federation. Consideration of applications for investigative actions. Year 2024. URL: https ://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13 (Accessed: 10.05.2026).

[4] Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2024/Judicial Department under the

Supreme Court of the Russian Federation. M., 2025. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

[5] On probation in the Russian Federation: Federal Law No. 06.02.2023 of 10-FZ (as amended 10.05.2026).

[6] Andronic N. A. Preventive measures chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies: problems of law enforcement and legislative regulation: dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2022. 222 pp.

[7] Mustafayev N. M.-A. Personal guarantee as a measure of criminal procedure//Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. 2007. № 18. S. 59-60.

[8] Fedyakin K.P., Alekseeva E.S. Personal guarantee in the system of preventive measures in the criminal procedure legislation of Russia and the CIS countries//Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2023. № 2. S. 137-145. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_137.

[9] Grachev D.M. Pledge as a preventive measure in the criminal process of Russia//Bulletin of magistracy. 2016. № 5-3(56). S. 46-48.

[10] Bertovsky L. V., Kvyk A. V. A new system of alternative preventive measures to detention: first results of application, development prospects//All-Russian Criminological Journal. 2020. T. 14, NO. 2. S. 242-255. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).242-255.

[11] Maltseva S.N. Pledge as a preventive measure: problems of application//Criminal enforcement law. 2024. T. 19 (1-4), NO. 1. S. 111-116. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.111-116.

[12] Recommendation Rec(2006)13 of the Committee of Ministers to member states on the use of remand in custody, the conditions in which it takes place and the provision of safeguards against abuse. Strasbourg : Council of Europe, 2006.

[13] Buzadji v. the Republic of Moldova : judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights of 5 July 2016, application no. 23755/07.

[14] United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (The Tokyo Rules) : adopted by General Assembly resolution 45/110 of 14 December 1990.

[15] 18 U.S. Code § 3142. Release or detention of a defendant pending trial. United States Code.

[16] Electronic Monitoring Court Bail Protocol / Government of the United Kingdom. 2023.

[17] German Code of Criminal Procedure (Strafprozeßordnung). Section 116. Suspension of enforcement of warrant of arrest.

